

DOI 10.18522/2415-8852-2024-1-120-136 УДК 81'255.4:811.111'161.1

БАЛЛАДА “THE HAUNTED PALACE” Э.А. ПО В ПЕРЕВОДАХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Александра Викторовна Кузьмина

старший преподаватель Донецкого государственного университета (Донецк, Россия)

e-mail: a.shersh@bk.ru

ORCID: 0000-0003-4297-333X

Аннотация. В статье рассматривается баллада Эдгара По “The Haunted Palace” («Призрачный замок», 1839) и ее переводы на русский язык, выполненные поэтами Серебряного века К.Д. Бальмонтом (1867–1942) и В.Я. Брюсовым (1873–1924). В работе проанализированы роль и функции языковых средств разных уровней в выражении идейно-тематического содержания стихотворения, выявлены смысловые акценты, черты индивидуального переводческого стиля, переводческие удачи и потери. Отмечено, что баллада “The Haunted Palace” представляет собой расширенную метафору и рисует трагедию утраты человеком рассудка в сюжете об опустошении величественного замка и свержении царствующего в нем короля. Двум поэтическим интерпретациям Бальмонта (1895 и 1901 гг.) свойственны особая напевность, стремление сохранить сложную метафорику оригинала, использование приема доместикации при передаче местного колорита, включение романсовых штампов. Перевод Брюсова (1924 г.) более лаконичен, чем переводы Бальмонта, он отличается большей лексической и смысловой точностью. Правителем волшебного края у Брюсова становится не монарх, а «царица», а при описании разоренного замка используются аллюзии к русской житейной литературе. В поэтических интерпретациях обоих русских поэтов заметно влияние стилистики рубежа XIX–XX вв., которое отразилось в повышенной эмоциональности, взволнованности повествования. Выявлено, что на переводы Бальмонта и Брюсова оказала также влияние русская переводческая традиция рубежа веков, для которой характерно как движение к точности при передаче формы произведения, так и стремление создать равноценный по своим поэтическим достоинствам текст.

Ключевые слова: баллада, перевод / интерпретация, романтизм, поэтика, компаративный анализ, Эдгар По, Бальмонт, Брюсов

Творчество американского романтика Эдгара Аллана По начало проникать в Россию в середине XIX в. благодаря переводам Шарля Бодлера, получившим в этот период широкое распространение. Одним из первых популяризаторов американского писателя был Ф.М. Достоевский, опубликовавший в 1861 г. предисловие к его рассказам. Существенное влияние творчество Эдгара По оказало на писателей и поэтов Серебряного века. Поэты-символисты (прежде всего, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов) считали американского романтика предтечей символизма и приняли на вооружение его художественные открытия. Каждый из них составил собственный сборник переводов из Эдгара По. Элоиз Бойл признает, что «русский образ Э. По основывается главным образом на переводах Бальмонта и Брюсова» (цит. по: [Осипова: 146]). В советский период произведения американского романтика переводили М. Богословская, Р. Гальперина, Н. Демурова, В. Неделин, В. Рогов, М. Урнов и др. Американский писатель переводится и сегодня, однако переводы Бальмонта и Брюсова не теряют своей эстетической ценности.

Уже в XXI в. появилось немало исследований, посвященных проблеме перевода поэзии и прозы По русскими поэтами-символистами. Рецепция детективных новелл По в России на рубеже веков рассмотрена в диссертации Л.П. Дмитриевой [Дмитриева]. Целый ряд статей, вышедших в течение последнего десяти-

летия, посвящен анализу переводов стихотворения «Ворон» (“The Raven”) (См.: [Устиновская; Колкер; Дементьева; Жаткин, Рябова]). А.Г. Коноваленко анализирует брюсовские переводы баллад “A Ræan”, “Lenore”, “Bridal ballad”, “Ulalume” и “Annabel Lee” [Коноваленко]. О.А. Жиронкина сравнивает переводческую стратегию К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова на примере переводов стихотворений “The Coliseum”, “Dream-Land”, “The Valley Nis”, “The Valley of Unrest”, “To Helen”, “Irene”, “The Sleeper” [Жиронкина].

Несмотря на наличие большого корпуса исследований, в изучении переводческой рецепции творчества Эдгара По русскими поэтами Серебряного века остается ряд лакун. Так, насколько нам известно, отсутствует системный анализ переводов баллады “The Haunted Palace”, вошедшей в состав одной из самых знаменитых новелл американского писателя «Падение дома Ашеро́в» (“The Fall of the House of Usher”, 1839). Первые полноценные поэтические переводы данной баллады принадлежат К.Д. Бальмонту и В.Я. Брюсову.

Цель данной статьи заключается в проведении компаративного анализа стихотворения Эдгара По “The Haunted Palace” и его переводов, выполненных двумя русскими поэтами Серебряного века.

«Падение дома Ашеро́в» (“The Fall of the House of Usher”, 1839) [Poe 1975: 231–245] – одна из самых известных новелл Э. По. Ключевым символом произведения становится

мрачный старинный дом, в котором живут страдающий душевным недугом Родерик Ашер и его сестра леди Мэдилайн. Согласно И.В. Шардановой, дом соотносится в новелле «с понятием род» и «состоянием человеческой психики» [Шарданова]. Действительно, Родерик таинственно связан со своим обиталищем, которое описано в духе готической поэтики: «угрюмые стены... безучастно и холодно глядящие окна», «готические своды», «бесконечные темные и запутанные переходы», – все это «проникнуто было холодным, тяжким и безысходным унынием» [По 1993: 48–51]. Внешность и внутреннее состояние героя поистине под стать дому: «восковая бледность», «сверхъестественный блеск глаз», «тщетные попытки совладать с привычной внутренней тревогой, с чрезмерным нервическим возбуждением» [Там же: 52].

Душевное состояние Ашера наиболее ярко выражено в балладе «Призрачный замок» (“The Haunted Palace”)¹, которой посвящена наша статья. Когда рассказчик услышал эту балладу в исполнении Родерика, ему «первые приоткрылось, как ясно понимает Ашер, что высокий трон его разума шаток и непрочен» [По 1993: 55]. Е.А. Шкурская называет стихотворение «поэтическим текстом-двойником» новеллы, который «необходим авто-

ру для концентрации общей идеи произведения» [Шкурская: 55].

По сути, стихотворение представляет собой расширенную метафору и рисует картину утраты человеком рассудка. При этом сам замок соотносится с телом человека, а люди, обитающие в нем, изображают человеческий разум. Изначально все в здании исполнено гармонии: развеваются на ветру золотые знамена, напоминающие волосы; ярко освещены два окна, метафорически соотнесенные с очами. Отзвуки (“Echoes”), вылетающие из врат-уст, означают исполненные разума речи. Монарх Разум (“monarch Thought”), восседающий на троне, окружен добрыми духами, которые воспевают его мудрость [Рое 1975: 238].

В финале баллады внезапно наступившее безумие выражается в мотивах бунта и разрушения замка. Монарх теперь низвергнут, два светлых окна-ока залиты красным светом, а уста, как и врата замка, бледны. Отзвуки, ранее певшие невыразимо прекрасными голосами, теперь заливаются дьявольским смехом: “While, like a ghastly rapid river, / Through the pale door / A hideous throng rush out forever, / And laugh – but smile no more” [Рое 1975: 239].

Впервые на русский язык поэтический перевод баллады “The Haunted Palace” осуще-

¹ Полный текст баллады “The Haunted Palace” представлен в Приложении к статье (цит. по: [Рое 1975: 238–239]).

свил поэт-символист **К.Д. Бальмонт** (1867–1942). Бальмонт известен не только как как переводчик По, но и Блейка, Шелли, Бодлера, Уайльда, Ибсена, Гауптмана. Анализируя переводческий метод Бальмонта, Ж.А. Кононова делает вывод, что

«характер его работы над переводом, его подходы и методы предполагали значительно большую свободу в отношении переводимого текста, чем это было принято в переводческой практике того времени. <...> Бальмонт прежде всего отражает в переводах образность, содержание, философию подлинника. При этом он нередко позволяет себе отступить от формы оригинала, ... изменить количество строк, рифму, размер, домыслить фрагменты текста, пересказать их» [Кононова: 105–106].

Это обусловило противоречивые оценки его переводческого наследия. Однако при переводе близких по духу поэтов такой подход нередко приводил к выдающимся результатам.

Известны два бальмонтовских перевода баллады “The Haunted Palace”. Первая версия была опубликована в 1895 г. в книге «Эдгар По. Баллады и фантазии»¹. Переводчик изменил стихотворный размер оригинала. Американский романтик использует четырех-

стопный хорей в первой половине стихотворения, а во второй половине прибегает к четырехстопному ямбу, чтобы подчеркнуть переход от благополучия и душевного здоровья к несчастьям и болезни. У Бальмонта размер (четырёхстопный дактиль) на протяжении всего стихотворения остается неизменным. Использование трехсложной стопы вместо двухсложной несколько замедляет темп повествования, а также становится основанием для появления поэтических вольностей.

Американский поэт называет хозяина замка «властелином Мыслью», (“monarch Thought”). Так как существительное «мысль» в русском языке женского рода, имя властелина распространяется у Бальмонта на саму страну: «Там, где раскинулась Мысли страна»² [По 1895]. Примечательно, что Бальмонт придает балладе сказочный колорит: замок у него назван «чудесным», его красота и слава вспоминаются смутно, «как сказки слова» [Там же]. В эпизоде, где описывается, как злые существа в одеждах печали напали на замок монарха (“But evil things, in robes of sorrow, / Assailed the monarch’s high estate” [Рое 1975: 238]), Бальмонт подчеркивает роль иррационального, мистического начала: «Все вдруг померкло, подкралась беда, / Темные силы стеснили царя» [По 1895]. Описывая

¹ Полный текст баллады в переводе Бальмонта 1895 г. представлен в Приложении к статье (цит. по: [По 1895]).

² В переводе 1901 г. Бальмонт выходит из этого затруднения иначе, именуя властелина волшебного края «Умом».

разоренный замок, переводчик добавляет отсутствующую в подлиннике деталь: «Вкруг его дома увяли цветы» [Там же]. Однако эта подробность не противоречит создаваемой картине упадка и разорения: гибель цветов может быть объяснена как вполне прозаическими причинами (за ними стало некому ухаживать), так и губительным действием таинственных темных сил.

Характеризуя Бальмонта-переводчика, К.И. Чуковский отмечал, что он нередко «заслоняет от нас переводимого автора», так как у него «резко выражена его собственная литературная личность» [Чуковский: 24]. Проявляется это посредством «навязывания» переводимому тексту «бальмонтизм, своего вычурного стиля модерн», культивированием «расплывчатых, мгlistых образов» [Там же: 22]. Не лишен подобных качеств и его перевод баллады Э. По. Там, где американский поэт упоминает серафима, простирающего свои крылья над прекрасным зданием (“Never seraph spread a pinion / Over fabric half so fair!” [Poe 1975: 238]), Бальмонт рисует галантную сцену: «Вечно над ним серебрилась луна, / Там – утомясь – серафим отдыхал / И, удивленный, вздыхал» [По 1895]. Переводчик чрезмерно драматизирует описание разрушенного замка: в подлиннике упоми-

нается нестройная, неблагозвучная мелодия (“a discordant melody” [Poe 1975: 239]), а у Бальмонта «звуков скорбящих рыдает волна» [По 1895]; в оригинале из замка вылетают ужасные чудовища, которые смеются, но никогда не улыбаются (“A hideous throng rush out forever, / And laugh – but smile no more” [Poe 1975: 239]), а в переводе «ужасы с хохотом диким идут, / Мчатся, растут и растут» [По 1895].

При этом русскому поэту не удалось в полной мере воссоздать сложную метафорику баллады. У По золотые знамена на башне вызывают ассоциацию со светлыми волосами: “Banners yellow, glorious, golden, / On its roof did float and flow” [Poe 1975: 238]. В переводе эта аналогия нарушена: знамена вьются в окнах, которые в оригинале метафорически обозначают очи («В окнах вились и крутились огни» / С ними знамена вились заодно») [По 1895].

Бальмонту принадлежит еще один вариант перевода баллады “The Haunted Palace”. Он был напечатан в 1901 г. в «Собрании сочинений Эдгара По в переводе с английского К.Д. Бальмонта»¹. Данное прочтение характеризуется большей точностью и верностью оригиналу, в нем лучше воссозданы метафорика, синтаксические особенности и зву-

¹ Полный текст баллады в переводе Бальмонта 1901 г. представлен в Приложении к статье (цит. по: [По 1901: 308–309]).

копись оригинала. Так, вместо описания утомленного серафима, вздыхающего над замком, переводчик следует за более сдержанным текстом подлинника: «Нет, никогда над такой красотой / Не раскрывал своих крыл Серафим!» [По 1901: 308].

Однако, как и в предыдущем варианте, русский поэт изменяет стихотворный размер оригинала. Хорей в начале баллады он передает четырехстопным дактилем, а ямб во второй половине стихотворения русский поэт заменяет на четырехстопный амфибрахий. При этом он сохраняет такие версификационные особенности подлинника, как укороченные четвертый и шестой стихи в строфах.

Романсовые штампы и «красивости», свойственные стилю Бальмонта, встречаются и в данном переводе. В качестве показательного примера приведем перевод отрывка о душистом ветерке, который овеял крепостные стены: “And every gentle air that dallied, / In that sweet day, / Along the ramparts plumed and pallid, / A wingèd odor went away” [Poe 1975: 238]. Переводчик дополняет это описание новыми эпитетами, а иногда и откровенно неудачными, искусственными выражениями (например, ветер определяется как «полный воздушных своих перемен»): «Полный воздушных своих перемен, / В нежном сиянии дня, / Ветер душистый вдоль призрачных стен / Вился, крылатый, чуть слышно звеня» [По 1901: 308–309].

Владения монарха названы у Бальмонта «дивной областью царя», хотя слова «край» или «страна», как представляется, более соответствуют оригиналу и звучат более естественно. Ради удачной рифмы и эффектной звукописи русский поэт использует неподходящее по смыслу выражение, упоминая, что царь находится «в опале»: «Но злые созданья, в одеждах печали, / Напали на дивную область царя. / (О, плачьте, о, плачьте! Над тем, кто в опале, / Ни завтра, ни после не вспыхнет заря!)» [Там же: 309]. Согласно словарю А.П. Евгеньевой, опалой называют «гнев, немилость царя к провинившемуся боярину, вельможе» [Словарь русского языка: 619], в балладе же описывается противоположная ситуация.

В своем переводе Бальмонт делает акцент на изображении огня и интенсивного света. Дворец у него «золотой», окна не просто светящиеся, освещенные (“two luminous windows” [Poe 1975: 238]), но «огневые», Армия Отзвуков летает по дворцу, «искрясь» и «горя без конца», знамена на башне «горят, как огни», сверкают «как золотое ... руно» [По 1901: 308]. Примечательно введенное Бальмонтом сравнение с золотым руном, которое помогает подчеркнуть сходство знамен на башне с копной волос.

Для перевода Бальмонта характерен прием доместикации (адаптация текста для русского читателя, замена исходных реалий реалиями русской культуры): правитель чудес-

ного края у него – не монарх (“monarch”), как у По, но «самодержец» и «царь», прославлять его – не приятная обязанность (“sweet duty”), но «святой долг» обитателей замка [Там же: 309]. Память о былых временах Бальмонт с присущим его стилю драматизмом сравнивает со «стоном панихиды надежде», упоминая православную заупокойную службу: «И вокруг его дома та слава, что прежде / Жила и цвела в обаяньи лучей, / Живет лишь как стон панихиды надежде, / Как память едва вспоминаемых дней» [Там же].

В 1924 г. за перевод баллады По взялся **В.Я. Брюсов** (1873–1924), поэт-символист, драматург, литературный критик, «соперник» Бальмонта по переводам¹. По словам Э.Ф. Осиповой, и Брюсов, и Бальмонт ценили в поэзии По музыкальность и ритм; их переводы сохраняют эти качества [Осипова: 145]. При этом, по словам Е.К. Нестеровой, «К. Бальмонт акцентировал и нередко имитировал иррациональное, “магическое” начало Эдгара По», в то время как Брюсов учился у американского предшественника «искусству соединения смысла и формы, содержания и стилевой отделки стиха» (цит. по: [Устиновская: 35]).

Действительно, Брюсов сохраняет многие версификационные особенности подлин-

ника: перекрестную рифмовку, чередование женских и мужских рифм, укороченный шестой стих в строфах. При этом смена размера Брюсовым не передана: на протяжении всего произведения он использует четырехстопный хорей. Брюсовский перевод выглядит более динамичным, чем у Бальмонта, – как за счет меньшего, чем у его предшественника, количества слогов в строке, так и за счет глаголов движения: ангелы в зеленой долине не просто «живут», но «скользят», прекрасный замок не «вздыхался», но «вырос», серафим над этим замком не «отдыхал», а «реял» [По 1924: 51]. Описание замка у Брюсова отчасти напоминает стихотворение Ф.Н. Глинки «Москва» (1832 г.) благодаря ритмическому и лексическому сходству: «Замок дивный, замок чудный / Вырос – много лет назад!» [Там же]². Отсылка к оптимистическому по духу стихотворению, в котором описывается восстановленный после разрушений и бедствий город, а также использование хорея (размера, который, по замечанию К.И. Чуковского, в русской поэтической традиции окружен жизнерадостным семантическим ореолом [Чуковский: 284]) придает данному переводу мажорный оттенок.

В.Я. Брюсов нашел свой выход из затруднения, связанного с грамматической кате-

¹ Полный текст баллады в переводе Брюсова представлен в Приложении к статье (цит. по: [По 1924: 51–52]).

² Для сравнения: «Город чудный, город древний, / Ты вместил в свои концы» (Ф.Н. Глинка, «Москва») [Глинка: 216].

горией рода (напомним, существительное «мысль» (“Thought”), которое американский романтик использует в качестве имени монарха, в русском языке женского рода). Правителем замка у Брюсова становится уже не монарх, король, но царица. «Пело, славя без границы, / Эхо, ты – / Мудрость вещую Царицы, / В звуках дивной красоты» [По 1924: 52]. С одной стороны, ум в русской традиционной культуре не считается женским качеством (что отразилось в народной поговорке «Волос долог, ум короток»). С другой стороны, у России есть исторический опыт успешного правления не только мужчин, но и женщин (например, Екатерины II). Данное переводческое решение также может быть связано с «софийной линией» в символистской поэзии. Согласно Н.Г. Матвеевской, «поэтическое видение Вечно-Женственно-го было связано у Брюсова с учением Соловьева через общесимволистский контекст 1900-х годов» [Матвеевская: 121].

Перевод Брюсова отличается стремлением к лексической и смысловой точности, он более лаконичен, чем перевод Бальмонта. Тем не менее здесь также встречаются отсутствующие в подлиннике детали: «Каждый ветра вздох, чуть внятный / В тихом сне, / Мчался дальше, ароматный, / По украшенной стене» [По 1924: 51]. Можно заметить также особое пристрастие Брюсова к восклицаниям: вместо двух восклицательных знаков, встречающихся в оригинале, он использует пять. Ве-

роятно, повышенный эмоциональный градус в переводе можно объяснить тем, что после-октябрьская лирика Брюсова, «прорастает из культуры и стилистики рубежа веков» [Ничипоров].

Брюсову в целом удается сохранить метафорику баллады, но у него утрачена важная деталь: он не упоминает, что окон в замке было два. Это делает менее явной аналогию с глазами: «В той долине идеальной / Путник в окна различал / Духов, в пляске музыкальной / Обходивших круглый зал» [По 1924: 51].

Описание опустевшего замка, захваченного злыми силами, выполнено переводчиком в духе русской житийной литературы, поэтому беды у Брюсова «одеты власяницей», а злых духов он именуется «дикими призраками пустыни» [Там же: 52].

Таким образом, нами было выявлено, что в исследуемых переводах Бальмонта и Брюсова отразились особенности русской переводческой традиции рубежа XIX–XX вв. и ее постепенный переход от вольного перевода к переводу более точному. Интерпретация Бальмонта 1895 г. изобилует романсовыми штампами, чуждыми для подлинника образами; размер и синтаксис стихотворения меняются до неузнаваемости. Перевод Бальмонта 1901 г. ближе к оригиналу: поэт стремится сохранить версификационные и стилистические особенности стихотворения Эдгара По, в его тексте меньше «украшений»

и добавлений. Еще более внимательное отношение к подлиннику демонстрирует Брюсов, что в целом характерно для его переводческой манеры. Несмотря на разное соотношение точности и вольности у Бальмонта и Брюсова, переводы обоих поэтов можно назвать большой удачей. Они не только познакомили русских читателей с содержанием баллады, но и попытались создать близкий оригиналу по красоте и силе перевод, воссоздать сложную поэтическую символику, выразительную и виртуозную звукопись, психологическую глубину первоисточника. В советский период состязаться с Бальмонтом и Брюсовым в переводах данной баллады будут Н. Вольпин, В. Рогов, А. Големба, Е. Фельдман и др. Анализ их интерпретаций представляет собой перспективу для дальнейшего исследования.

Литература

Глинка, Ф.Н. Москва // Москва в истории и литературе: сборник / под ред. М. Коваленского. М.: Гос. публичная историческая библиотека России, 2009. С. 216.

Дементьева, А.В. Современные и классические переводы стихотворения Э.А. По «Ворон»: проблема интерпретации авторской системы образов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: Реферативный журнал. М.: ИНИОН РАН, 2022. № 3. С. 120–144.

Дмитриева, Л.П. Цикл детективных новелл Эдгара Аллана По и его рецепция в России в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010.

Жаткин, Д.Н., Рябова, А.А. В.Е. Чешихин (Ч. Ветринский) – переводчик «Ворона» Эдгара Аллана По // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 2 (27). С. 366–369.

Жиронкина, Л.А. К.Д. Бальмонт и В.Я. Брюсов: состязание в поэтической практике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Колкер, Я.М. Камертон: подход к поэтическому переводу на примере «Ворона» Эдгара По // Иностранные языки в высшей школе. 2011. № 3 (18). С. 55–65.

Коноваленко, А.Г. Баллады Э. По в переводе В. Брюсова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007.

Кононова, Ж.А. Переводческая деятельность К. Бальмонта в контексте развития русской переводческой школы // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди. Сер.: Літературознавство. 2015. Вип. 1. С. 101–110.

Матвеевская, Н.Г. Миф о вечной женственности в поэзии Валерия Брюсова // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 120–122.

Ничипоров, И.Б. Послереволюционное творчество Валерия Брюсова [Электронный ресурс]. URL: <https://portal-slovo.ru/philology/39025.php> (дата обращения: 29.02.2024).

Осипова, Э.Ф. О переводах Эдгара По в России // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 141–155. DOI: 10.22455/2541-7894-2017-2-141-155

По, Э.А. Непокойный замок / пер. с англ. В.Я. Брюсова // Эдгар По. Полное собрание поэм и стихотворений. М.: Гос. изд-во «Всемирн. лит-ра», 1924. С. 51–52.

По, Э.А. Падение дома Ашеро́в / пер. с англ. Н. Галь // Эдгар Аллан По. Собр. соч. В 4 тт. / под ред. С.И. Бэлза. Т. 2. М.: Пресса, 1993. С. 48–64.

По, Э.А. Падение дома Эшер / пер. с англ. К.Д. Бальмонта // Баллады и фантазии. М.: Изд-во книжного магазина Ф.А. Богданова, 1895 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/po_e_a/text_1839_house_of_usher.shtml (дата обращения: 27.10.2023).

По, Э.А. Падение дома Эшер / пер. с англ. К.Д. Бальмонта // Собрание сочинений Эдгара По в переводе с английского К.Д. Бальмонта. Т. 1. Поэмы, сказки. М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1901. С. 297–320.

Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 тт. Т. 2. РАН, Ин-т лингвистич. исследований. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Устиновская, А.А. Поэтический «турнир» К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова: к вопросу о переводах баллады «Ворон» Эдгара По // Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках. 2016. № 3. С. 33–37.

Чуковский, К.И. Собр. соч. В 15 тт. Т. 3. Высокое искусство; Из англо-американских

тетрадей / сост. Е. Чуковская, П. Крючков. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012.

Шарданова, И.В. Анализ мифосимвола «Дом» в новелле Э. По «Падение дома Ашеро́в» // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2008. № 4 (16) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-mifosimvola-dom-v-novelle-e-po-padenie-doma-asherov> (дата обращения: 27.10.2023).

Шкурская, Е.А. Многообразие форм выражения ужаса в психологических новеллах Э.А. По // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 2 (56). С. 55–57. DOI: 10.23670/IRJ.2017.56.061

Пое, Е.А. (1975). The fall of the house of Usher. In E.A. Poe, The complete tales and poems of Edgar Allan Poe. New York: Vintage Books, 231–245.

References

Chukovskiy, K.I. (2012). *Sobraniye sochineniy* [Complete works] (Vol. 3). Moscow: Agentstvo FTM, Ltd.

Dement'yeva, A.V. (2022). *Sovremennyye i klassicheskiye perevody stikhotvoreniya E.A. Po "Voron": problema interpretatsii avtorskoj sistemy obrazov* [Modern and classical translations of "The raven" by E.A. Poe: the problem of interpretation of the motif system]. *Sotsial'nyye i Gumanitarnyye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Ser. 7, Literaturovedeniye: Referativnyy Zhurnal* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 7. Literary Criticism: Review Journal], 3, 120–144.

Dmitriyeva, L.P. (2010). *Tsikl detektivnykh novell Edgara Allana Po i ego retseptsiya v Rossii v XIX – nachale XX vv.* [The cycle of detective stories by Edgar Allan Poe and its reception in Russia in the 19th - early 20th centuries] (Doctoral Dissertation, Tomsk State University, Tomsk).

Evgen'yeva, A.P. (Ed.). (1999). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language] (Vol. 2). Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy.

Glinka, F.N. (2009). Moskva [Moscow]. In M. Kovalensky (Ed.), *Moskva v istorii i literature* [Moscow in history and literature]. Moscow: Gos. publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, 216.

Kolker, Ya.M. (2011). Kamerton: podkhod k poeticheskomu perevodu na primere "Vorona" Edgara Po [The tuning fork: an approach to poetic translation illustrated by E. Poe's "The Raven"]. *Inostrannyye Yazyki v Vyshey Shkole* [Foreign Languages at Higher School], 3(18), 55–65.

Kononova, Zh.A. (2015). Perevodcheskaya deyatel'nost' K. Bal'monta v kontekste razvitiya russkoy perevodcheskoy shkoly [Translation works of K. Balmont in the context of the development of Russian translation school]. *Naukovi Zapiski Kharkivs'kogo Natsional'nogo Pedagogichnogo Universitetu Imeni G.S. Skovorodi. Literaturoznavstvo* [Scientific Notes of H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University. Literary Studies], 1, 101–110.

Konovalenko, A.G. (2007). *Ballady E. Po v perevode V. Bryusova* [Edgar Poe's ballads translated by V. Bryusov] (Doctoral Dissertation, Tomsk State University, Tomsk).

Matveyevskaya, N.G. (2007) Mif o vechnoy zhenstvennosti v poezii Valeriya Bryusova [The myth of eternal femininity in the poetry of Valery Bryusov]. *Al'manakh Sovremennoy Nauki i Obrazovaniya* [The Almanac of Modern Science and Education] (Vol. 2), 3 (3), 120–122.

Nichiporov, I.B. (2013). *Poslerevolyuetsionnoye tvorchestvo Valeriya Bryusova* [Post-revolutionary works of Valery Bryusov]. Retrieved from: <https://portal-slovo.ru/philology/39025.php> (date of access: 29.02.2024).

Osipova, E.F. (2017). O perevodakh Edgara Po v Rossii [On Poe's translations in Russia]. *Literatura Dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2, 141–155. DOI: 10.22455/2541-7894-2017-2-141-155

Poe, E.A. (1895). The fall of the house of Usher (K.D. Bal'mont, Trans.). In *Ballady i fantazii* [Ballads and fantasies]. Moscow: F.A. Bogdanov. Retrieved from: http://az.lib.ru/p/po_e_a/text_1839_house_of_usher.shtml (date of access: 27.10.2023).

Poe, E.A. (1901). The fall of the house of Usher (K.D. Bal'mont, Trans.). *Sobraniye sochineniy Edgara Po* [The complete works of Edgar Allan Poe.] (Vol.1). Moscow: Knigoizdatel'stvo Skorpiion, 297–320.

Poe, E.A. (1924). The haunted palace (V.Ya. Bryusov, Trans.). In Edgar Po, *Polnoye sobraniye poem i stikhotvoreniy* [The complete tales and poems of Edgar Allan Poe]. Moscow: Vsemirnaya literatura, 51–52.

Poe, E.A. (1975). The fall of the house of Usher. *The Complete Tales and Poems of Edgar Allan Poe*. New York: Vintage Books, 231–245.

Poe, E.A. (1993). The fall of the house of Usher (N. Gal', Trans.). *Edgar Allan Po. Sobraniye sochineniy* [The complete works of Edgar Allan Poe] (Vol. 2). Moscow: Pressa, 48–64.

Shardanova, I.V. (2008). Analiz mifosimvola "Dom" v novelle E. Po "Padeniye doma Asherov" [The analysis of the mythosymbol "house" in the story "The fall of the house of Usher" by E. Poe]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Herald of Pushkin Leningrad State University], 4 (16). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-mifosimvola-dom-v-novelle-e-po-padenie-doma-asherov> (date of access: 27.10.2023).

Shkurskaya, E.A. (2017). Mnogoobraziye form vyrazheniya uzhasa v psikhologicheskikh novellakh E.A. Po [The diversity of forms of expression of horror in the psychological short-stories by E.A. Poe]. *Mezhdunarodnyy Nauchno-Issledovatel'skiy Zhurnal* [International Research

Journal], 2(56), 55–57. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.56.061>

Ustinovskaya, A.A. (2016). Poeticheskiy "turnir" K.D. Bal'monta i V.Ya. Bryusova: k voprosu o perevodakh ballady "Voron" Edgara Po [The poetry tournament between K.D. Balmont and V.Ya. Bryusov: on the translations of the ballad "The Raven" by Edgar Poe]. *Aktual'nyye Problemy i Dostizheniya v Gumanitarnykh Naukakh* [Relevant Problems and Achievements of the Humanities], 3, 33–37.

Zhatkin, D.N., & Ryabova, A.A. (2019). V. E. Cheshikhin (Ch. Vetrinskiy) - perevodchik "Vorona" Edgara Allana Po [V.E. Cheshikhin (Ch. Vetrinsky) as a translator of "The raven" by Edgar Allan Poe]. *Baltiyskiy Gumanitarnyy Zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2 (27), 366–369.

Zhironkina, L.A. (2013). *K.D. Bal'mont i V.Ya. Bryusov: sostyazaniye v poeticheskoy praktike* [K.D. Balmont and V.Ya. Bryusov: poetic competition] (Doctoral Dissertation, The Russian State University for the Humanities, Moscow).

Для цитирования: Кузьмина, А.В. Баллада "The Haunted Palace" Э.А. По в переводах поэтов Серебряного века // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 1. С. 120–136. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-120-136

For citation: Kuzmina, A.V. (2024). Edgar Allan Poe's Ballad "The Haunted Palace" translated by Russian Poets of the Silver Age. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (1), 120–136. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-120-136

Приложение

<p style="text-align: center;">Edgar Poe. The Haunted Palace (1839)</p> <p>In the greenest of our valleys By good angels tenanted, Once a fair and stately palace – Radiant palace – reared its head. In the monarch Thought's dominion, It stood there! Never seraph spread a pinion Over fabric half so fair!</p> <p>Banners yellow, glorious, golden, On its roof did float and flow (This – all this – was in the olden Time long ago) And every gentle air that dallied, In that sweet day, Along the ramparts plumed and pallid, A wingèd odor went away.</p> <p>Wanderers in that happy valley, Through two luminous windows, saw Spirits moving musically To a lute's well-tuned law, Round about a throne where, sitting, Porphyrogene! In state his glory well befitting, The ruler of the realm was seen.</p>	<p style="text-align: center;">Э. По. Дворец, населенный духами <i>Пер. К.Д. Бальмонта (1895)</i></p> <p>Замок чудесный – немой властелин – Гордо вздымался когда-то давно В самой зеленой из наших долин, Где только ангелам жить суждено. Там, где раскинулась Мысли страна, Вечно над ним серебрилась луна, Там – утомясь – серафим отдыхал И, удивленный, вздыхал.</p> <p>В окнах вились и крутились огни, С ними знамена вились заодно; (Все это было в минувшие дни, Все это было когда-то давно). В сумерках нежных угасшего дня Плыл ветерок, мелодично звеня, Плыл он вперед, возвращался назад, Сладкий струил аромат.</p> <p>Путники в этой блаженной стране Видели в окна блуждающий рой Духов, идущих как будто во сне, Духов, внимающих лютне святой. Трон багрянцем посредине блистал, В пышном сиянье на нем восседал, Между подвластных своих, властелин Лучшей из лучших долин.</p>
---	--

And all with pearl and ruby glowing
 Was the fair palace door,
 Through which came flowing, flowing,
 flowing
 And sparkling evermore,
 A troop of Echoes, whose sweet duty
 Was but to sing,
 In voices of surpassing beauty,
 The wit and wisdom of their king.

But evil things, in robes of sorrow,
 Assailed the monarch's high estate;
 (Ah, let us mourn! – for never morrow
 Shall dawn upon him, desolate!)
 And round about his home the glory
 That blushed and bloomed
 Is but a dim-remembered story
 Of the old time entombed.

And travellers, now, within that valley,
 Through the red-litten windows see
 Vast forms that move fantastically
 To a discordant melody;
 While, like a ghastly rapid river,
 Through the pale door
 A hideous throng rush out forever,
 And laugh – but smile no more.

[Poe 1975: 238–239]

Дверь лучезарная в замок вела,
 Перлы, рубины блистали на ней,
 В дверь все плыла, и плыла, и плыла,
 Вечно горя и сверкая сильней,
 Отзвуков нежных живая семья,
 Сладость восторга во взорах тая,
 Славили все они ум одного,
 Мудрость царя своего.

Все вдруг померкло, подкралась беда,
 Темные силы стеснили царя;
 (Плачьте! о, плачьте! над ним никог-
 да
 Не заблестит золотая заря!).
 Вкруг его дома увяли цветы;
 Слава и пышность былой красоты
 Помнятся смутно, как сказки слова,
 Тлеют, лишь тлеют едва.

Путников странные думы страшат;
 Сквозь красноватые стекла окна
 Тени огромные смутно дрожат,
 Звуков скорбящих рыдает волна;
 Там, где смеялось Эхо, теперь
 Бурной толпой через бледную дверь
 Ужасы с хохотом диким идут,
 Мчатся, растут и растут.

[По 1895]

Э. По. Заколдованный замок*Перевод К.Д. Бальмонта (1901)*

В самой зеленой из наших долин,
 Где обиталище духов добра,
 Некогда замок стоял властелин,
 Кажется, высился только вчера.
 Там он вздымался, где Ум молодой
 Был самодержцем своим.
 Нет, никогда над такой красотой
 Не раскрывал своих крыл Серафим!

Бились знамена, горя, как огни,
 Как золотое сверкая руно.
 (Все это было – в минувшие дни,
 Все это было давно.)
 Полный воздушных своих перемен,
 В нежном сиянии дня,
 Ветер душистый вдоль призрачных
 стен
 Вился, крылатый, чуть слышно зве-
 ня.

Путники, странствуя в области той,
 Видели в два огневые окна
 Духов, идущих певучей четой,
 Духов, которым звучала струна,
 Вкруг того трона, где высился он,
 Багрянородный герой,
 Славой, достойной его, окружен,
 Царь над волшебною этой страной.

Э. По. Непокойный замок*Перевод В.Я. Брюсова (1924)*

В той долине изумрудной,
 Где лишь ангелы скользят,
 Замок дивный, замок чудный
 Вырос – много лет назад!
 Дух Царицы Мысли веял
 В царстве том.
 Серафим вовек не реял
 Над прекраснейшим дворцом!

Там на башне, – пурпур, золото, –
 Гордо вились знамена.
 (Это было – все – когда-то,
 Ах, в былые времена!)
 Каждый ветра вздох, чуть внятный
 В тихом сне,
 Мчался дальше, ароматный,
 По украшенной стене.

В той долине идеальной
 Путник в окна различал
 Духов, в пляске музыкальной
 Обходивших круглый зал,
 Мысли трон Порфирородной, –
 А Она
 Пела с лютней благородной
 Гимн, лучом озарена.

Вся в жемчугах и рубинах была
 Пышная дверь золотого дворца,
 В дверь все плыла и плыла, и плыла,
 Искрясь, горя без конца,
 Армия Откликов, долг чей святой
 Был только – славить его,
 Петь, с поражающей слух красотой,
 Мудрость и силу царя своего.

Но злые созданья, в одеждах печали,
 Напали на дивную область царя.
 (О, плачьте, о, плачьте! Над тем, кто в
 опале,
 Ни завтра, ни после не вспыхнет заря!)
 И вокруг его дома та слава, что прежде
 Жила и цвела в обаяньи лучей,
 Живет лишь как стон панихиды на-
 дежде,
 Как память едва вспоминаемых дней.

И путники видят, в том крае туманном,
 Сквозь окна, залитые красною мглой,
 Огромные формы, в движении стран-
 ном,
 Диктуемом дико звучащей струной.
 Меж тем как, противные, быстрой ре-
 кою,
 Сквозь бледную дверь, за которой Беда,
 Выносятся тени и шумной толпою,
 Забывши улыбку, хохочут всегда.

[По 1901: 308–309]

Лаллом, жемчугом горела
 Дверь прекрасного дворца:
 Сквозь – все пело, пело, пело
 Эхо гимна без конца;
 Пело, слава без границы,
 Эхо, ты –
 Мудрость вешую Царицы,
 В звуках дивной красоты.

Но, одеты власяницей,
 Беды вторглись во дворец.
 (Плачьте! – солнце над Царицей
 Не затеплит свой венец!)
 И над замком чудным, славным,
 В царстве том,
 Память лишь о стародавнем,
 Слух неясный о былом.

В той долине путник ныне
 В красных окнах видит строй
 Диких призраков пустыни,
 В пляске спутанно-слепой,
 А сквозь двери сонм бессвязный,
 Суется,
 Рвется буйный, безобразный,
 Хохоча, – но не смеясь!

[По 1924: 51–52]

**EDGAR ALLAN POE'S BALLAD "THE HAUNTED PALACE"
TRANSLATED BY RUSSIAN POETS OF THE SILVER AGE**

Kuzmina Aleksandra Viktorovna, Senior Lecturer at Donetsk State University (Donetsk, Russia),
e-mail: a.shersh@bk.ru

Abstract. This article is aimed at the comparative linguo-stylistic and poetological analysis of the ballad "The Haunted Palace" and its translations by K.D. Balmont (1867–1942) and V.Ya. Bryusov (1873–1924). The functions of linguistic means of different levels are analyzed, characteristic features of the poets' individual style are highlighted, translator's accomplishments and losses are pointed out. The ballad "The Haunted Palace" uses the image of the desolate and haunted palace as a sustained metaphor for insanity. Two poetic translations by Balmont (published in 1895 and 1901) are characterized by attention to the figurativeness and musicality of Poe's ballad, the use of domestication strategy and poetic clichés. The translation of Bryusov (1924) is more laconic than Balmont's one, it is marked by increased lexical and semantic accuracy. The queen (instead of "the monarch") becomes the ruler of the magic kingdom, while the description of the ruined palace contains allusions to Russian hagiography. Bryusov's and Balmont's translations are characterized by desire to achieve accuracy as well as to create texts, equal in poetic qualities to the original one. These are peculiar features of the Russian school of translation at the turn of the XIX-XX cent. The influence of the fin de siècle stylistics revealed itself in the increased emotional tension in the translations of both poets.

Key-words: ballad, translation / interpretation, comparative analysis, Romanticism, poetics, Poe, Balmont, Bryusov

